

Сибирске, но в 1924
тогда моя очущающая мама
избрала определая вини-
мания на легкие заболе-
вания, добегалась до
«хорошего» племянника;
это было. На последних
сроках её беременности
стали мокр. О рожденном
ребенка о ём было чуже про-
зигам, но Моя мама рассказа-
ла вами свойство -
разная семейная струя,
рассказу вам, в нем

Тоже отражено Вренд Ро-
дьи прошлую сцену также-
ло, мама еле выжила, а
я родился в соответствующем
цем роженице состоя-
нии, однако от религи-
озно = национальной
традиции отказался
не постыди: мне дали

имя прадеда - ЛНК.
Ефим Романович, взаимоотно-
шения вдохновляющие физиоге-
ные состояния раже-
ници и ребёнка я зас-
тавил срочно искать
корьмичику. надо сказа-
зать, что в те годы

СССР ~~ещё~~ не было шир-
кций сети продовольственных магазинов
и магазинов кухонных принадлежностей.
Но в сороковые, ~~нестаре-~~
мы во многих селах су-

щебы, ослабленные ма-
деническими заболеваниями отсе-
хны. Ко ржаничку либо
нашли, и жив-

щая в нашей Ли

семье пожалая крестья-

нка стала искать меня

на Кормёжки, я был
настолько безнадежен, что

она, видимо, сказавши,
решивш я по-своему помочь;

папа После работы,
вечером же руках чистых
меня, и в один из таких вечеров
это она отозвала папу и

сказала: «Абрам, если хочешь,
стать известным жителем, купи
Церковного Вчеха и давай

по несколько капель на

каждый свой старухе (т.е. са-

Бүшкөй Негізбұрын

177.

Рәдителің идея красност.

Вина причинам, и папа кож-

дың бейеү макола Трятоз-

ның жүгүчік вине.; Я
стол поправил гостя, кирет-

нүкті, убедившись, что зал-

делан в экзотич, но не рож-

дение залег на три ровни

и зале же не залегает то

согласно факту, а

2 декабр.

[Не могу не сказать

о спортивных успехах: 28

августа, но девятую год-

С. Г.

или раньше, раз чтися
Даинг; 2 декабря 1955
Родившаяся женщика;

24 июня 1944 года она
также слорана, а через блев
также день родилась
Бориска].

Уровень медици-
ны находясь 20-х годов
был ниже возможного

Чревая: живые и умершие
гнили были изувечены

В войнах; революциях;

другие: погибли не-

больше засло интен-

ЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ, КОТОРУЮ ВЫСЛАЛИ ИЗ СОВЕТСКОЙ РОССИИ; НЕКОТОРЫЕ САМИ УЕХАЛИ В ДРУГИЕ СТРАНЫ; ДРУГИЕ ПРИСПОСОБИЛИСЬ К НОВЫМ УДОБИЩАМ И Т. П.; МЕДИКАМЕНТОВ НЕ ХВАТАЛО; ТОЖЕ МНОГИЕ ПЕЧАЛИСЬ НАРОДНЫМИ СРЕДСТВАМИ: ПОМОЮ РАССКАЗ МАМЫ О ТОМ, КАК ЕЁ ПОДИ РАСГОЛЯЛ НАИМ СОБАЧИМ языком, чтобы обезличить лекарие. Меня же темой жизни стала постепенно ЖОВТАЯ ЗОБАРЬ. Как бы ни было, речь идет о второй половине 1920-х годов, о которых гастроно сказано в предыдущем изложении.

Итак, колективизация, начавшаяся после XIV съезда партии (1927 год), проходила в условиях и по методам противоположным

положением В.И.Ленина по этой проблеме; кроме того, отказ от экономических связей с крестьянством и переход к административно-насильственным методам управления привел к упадку сельского хозяйства, которое было восстановлено и разбито за годы НЭПа.

Разгром НЭПа коснулся и города. В зиму 1928/29 моего папу лишили права на магазин, весь товар конфисковали, отца арестовали, судили и сослали на лесоповал в Амуро-Хангэльскую область.

Забота о семье легла на машиниста тяги-женщины инициативной, но физически слабой женой (уже до конца ее недолгой жизни). Ее брат Ефим и его жена Лена Маркова предложили помочь принять к ним моего старшего брата Гришу (16 лет); так он стал учеником токара на заводе "Ург-Металл" в районе Воробьевых (Ленин-

148.

ских) гор в Москве; вскоре токарь
ее учеником токаря стал и Да-
вид (Чист). Осенью 1929 года ма-
ма со мной приехала в Москву;
мы четверо жили в отдельной
комнате в квартире дяди Фирмы.
Мама Нагела работать ученичкой
токарихи на гардинской фабрике
на Плющихе. В отдельную небольшую
комнату поселили барабушку, но ког-
да женился дядя Яша молодовынне-
где было место; их поселили в эту
комнатку; барабушкину кровать пере-
несли в столовую. Здесь у них ро-
дился 2 мая 1933 года Шурик (Александр
Яковлевич Зелигманский); о
свадьбе дяди Яши и отом как Шу-
рик чуть было не угодил в Минское
штетто, бы у вас знаете). В ту же кварти-
ру приехал из заключения мой папа.
В третьей комнате размещались д.-
дя Фирма и Петя Лис; их дочка Розочка,
моя младшая чудородная сестра, спа-
ла в столовой, как и барабушка.
От теплоты спасали большая кухня, на
которой была огромная плита; ее не го-
нили, ни использовали как стол для
прикурить и керосинок; в выходные
дни кухня служила семейным клубом.

Подробно о наслаждении квартир письму для того, чтобы показать вам как высоки были понятия рода ее, взаимопомощи.

Впрочем, если выходной день совпадал с пятницей, устраивали субботний ужин, вся квартира собиралась за большим обеденным столом; накрывали белоснежную скатерть, выставляли лучшую посуду, создавалась атмосфера праздника; на столе бывало довольно скромно - это были годы картонной системы.

Бабушкино место было за серединой стола, у края - подбегники, молитвенник, спички; когда все разсыпались, бабушка приблизившим движением поправляла на голове темную шаль, вставала, зажигала свечи и исчезала гроздью в чистый субботнюю молитву; когда она потом переходила на понятный языки, ясно было с какой мольбой и страстью она просила Бога помочь ей и ее детям пережить смиренные на всех трудности: в бабушкиных словах содер-

жаслью такая убежденность, что
она заражала веру и надежду.
Наша жизнь в Москве начиналась
с серии будней; утром я просыпался
в пустой комнате; мама и братя сго-
заранку уходили на работу, я ни разу
не слышал как они вставали; до-
ма было только бабушка и бене
редко - Розочка; бабушка отвела
меня на детскую городскую пионер-
ку при клубе им. Зуева; здесь меня
стремили ребята негруже люблю,
потому что меня звали Фрэд, и они
нагали дразнить меня моим именем.
Конечно, в некоторых обычных случаях
я пытался обстергать свое имя кулака-
ми, но получал в ответ хорошие
тумаки; драчиться я перестал, но и
дразнить перестали. Мужественные
холостые на площадку вскоре за-
кончились: меня отдали в школу.
В Москве я начал быстро взрос-
леть: первые подружки, братя
научили меня самостоятельно

переходить улицу с трамвайным движением; в Москве тогда еще не было размежевых переходов и пешеходных светофоров. Бабушку надо было освобождать от ходений сомнений; в недавнем Ульяновске бабушка была вся моя, здесь — нет. Из школы домой я не тиропился; в начальных классах учусь плохо, в начальной и в первом классе была огень злая учительница.

Мама приходила к вечеру уставшая и на короткое время ложилась пересохнуть; я стоял у ее изголовья и ждал когда она откроет глаза, потом она меня крепко обнимала и говорила это-то,ласкобое. Гриша и Давид приходили позже мамы: помимо работы на заводе они учились в СРЗУ (фабрично-заводское училище); там они побывали свою профессиальную базу физику и получали общее образование на уровне средней школы.

Появление в квартире молодоженов —
гей-дяди Яши и Тети Берты внесло
струю оптимизма и даже неко-
торого веселья; при всех сложностях
жизни и проявлениях нервозности по
отдельным поводам, дядя Яша ос-
тавался остроумным и веселым, он
легко находил темы для шуток; Тетя
Берта была выдержаным спокой-
ным человеком, думая о чем-то она
всегда напевала; любил вслуши-
ваться без мурлыканье; появившая-
ся Крошка Шурик стал центром внимания. Утром выходных дней посвя-
щались ему: его таскали, тискали, ка-
зали, кончились тем, что я бросил
его из рук и он упал на пол; Моя мама
испугалась за него, а тетя Берта ска-
зала примерно так: «Гита, не бол-
туйтесь, ничего не случилось». В этой
квартире дядя Яша с семьей прожи-
ли год два, потом он купил недав-
шую кухню в доме в Шебашевском
перекулке, перестроил ее в комнату,
пристроил недавшую кухню и
сени. Там перед войной родилась Ри-
туля.

В один из зимних дней конца 1933 или начала 1934 года мама сказала мне, что мы пойдем встремать папу. (Дядя Фима в то время был на высокой должности на крупном московском заводе, у него дома был служебный телефон, в те годы это говорило о многом; видимо, папа сообщили о приезде). Мы вышли на длиннейший тротуар, вскоре мама показала на идущего папу, а помогаясь к нему на привязанных к веленкам деревянных коньках-колодках, я подбежал к нему, протянул руки вверх, он поднял меня на уровень своего плеча, подошла мама..; никогда не забуду нас на тротуаре. Меня перевил папин вид: поверх брюк, до колен были напечатаны очки, а на ногах - лапти. Через небольшое время папа устроился за малым служащим в кикуто-то кикуто, видите, помог дядя Фима. Наконец, семья была в сборе; все работали, наступило время займеть свое жилье. Издя яша подскажет нам недалеко от сей отдельную комнату и кухни.

Наш адрес с тех небытъ: 16 Кута-
зевский переулок дом 3; откуда
"Князевский"? В облике домиков и
хабар переулка я ничего княжеско-
го не находил; возможно, что на этом
участке земли когда-то жили княжес-
кие холопы, поэтому сохранилось наз-
вание "Князевские".

Наша семья, все пять человек, посели-
лись в одинй девятнадцатиметровой
комнате; мы жили в одетанебе по-
нного духовного единства; это прояв-
лялось поздними бегерами, когда
все уже были дома; материально хи-
ли огень скромно; все зарабаты-
вали мало, проду кты бы давали по
таким; папа, МАМА(она ставила ра-
боту) и я были привязаны к продма-
гу на углу улицы Кирса напротив
Погтамта; помните устраивавшую-
ся станцию метро "Чиребеков" мет-
ро не работало не функциониро-
вал. В спреденные выходные дни
решили брать меня в магазин; там
была, среди; по номеру телон-
гата на определенной странице
продовсласенна книжки(не са-
мой величию) бы давали 1200 руб.

НЫЙ продукт, по другому номеру бы-
чавали это-то уругое и т. д. Устали -
и мы добирались домой к Еле-
ну. Я бывал склонив, когда мама да-
вала мне кусок хлеба с маргарином.

Мама удивленными ей дешевыми сред-
ствами создала уютный дом; поздним ве-
чером, когда над небольшим обеденным
столом светился оранжевый абажур, станови-
лось еще уютнее; все сидели за столом, большие
девочки было некуда; кто-то рассказывал о со-
бытиях прошедшего дня, иногда папа спал
бесов из еврейской классики, или в
переводе на идиш из-либо из русской ли-
тературы. В память о папе и тех вечерах
я привез в Израиль малерматыр: экземп-
ляр поэмы А. С. Пушкина "Цыганы", в перево-
де на идиш (изд. "Огнен", 1934 г., Кена Зкоп.).

Наш единственный сосед-хозяева дома
оказались очень симпатичными людь-
ми: когда хозяин дома Константин Казими-
рович Семашко узнал, что мой папа
родился и долг жил в Польше, он об-
радовался и перешел с папой наполь-
ский; он продавал земляковские губерния
в том, что подарил нам большую грядку
в своем огороде. Мама разделила грядку
на три части (свекла, петрушка, помидоры).

а он руководил всеми сельхозработами." Когданисту начал период "пропаганды (меня он звал курганская), он учил меня отливать сирнаки от нужных ростков.

Самое интересное было, когда мы лили дрова. У хозяев была такая же живность, как и пекка-паппа, как у нас, поэтому дрова у нас были обычные.

Меня, как опытный лесопарк, отослали на базу и привез в порядок двадцати тонн; отцы семейства накладывали сосновые колоды и во дворе складывали в поленицы, через несколько дней, когда дрова набухали, ребята перетаскивали их в сарай. В такие дни во дворе было весело: играли хорошо, курили, разваливались бревна, не стомкали.

И утки. Солнышко летице.

2) Меня хозяина - Тетя Саша - бояла за тихую работавшую женщину. Через несколько лет, когда начали строить метро подземку, все дочери Князевского перехода снесли, мы осталось оказались с-

се были с другом дома.

Весной 1943 года, когда я уходил
в армию, уже не было ни пепельни,
ни пильи, тетя Саша больше не играла
на скрипке. Она взяла меня за руку
и сказала: Ты уходишь в армию,
значит ты борешься. Для поддержки
тебя за твоих родителей.

Вернувшись на Киевский переулок: не-
реезд произвел революцию в моем отно-
шении к учителю; меня перевели в школу №152 (теперь это позади станции
метро „Аэропорт“). Новая, постро-
ная по типовому проекту, школа со
светлыми и просторными классами с
паровыми отоплениями, спервые по-
явившимися удобными школьны-
ми партами, со специально оборудо-
ванными классами для занятий фи-
зикой и химией, с большим физкульту-
рным залом, было новым словом в
школьном образовании; большин-
ство школьников еще жило в ста-
рых сырых подлепобатых домиках и
когда мы приходили в такую
школу, было ощущение, что мы при-
ходили в новый мир.

Еще важнее было то, что классным

руководителем была Клавдия Ва-
сильевна - молодая учительница,
недавно окончившая педагогический
институт; она буквально жила
интересами класса, она устраивала
дополнительные занятия, на кото-
рых оставались и отлыничики, - на-
столько было интересно быть с ней.
В классе у меня появился первый на-
стоящий друг - Женя Кошелев; он
был всея знати, отличник, я тянулся
за ним. Это была середина трид-
цатых годов; его отец был слу-
телем Военно-воздушной академии
имени Жуковского; Женя сказал, что
после окончания академии они уез-
жают на Дальний Восток; тогда я бы-
ло необыкновенно погретым слу-
жить там. Женя обещал мне написать
и сообщить свой новый адрес, но ни од-
ного письма я не получил. Приближал-
ся 1937 год, поскольку в стране разво-
раживалась широкая репрессивная
кампания, предполагаю, что его папа
пострадал, как и многие другие ко-
мандиры высоких рангов Крас-
ной Армии. В мои памяти 1937 год,
помимо сказанного, сохранился яр-

ким фрагментом наглядной агитации: наш переулок выходил на Ленинградское шоссе, а через дорогу — Московский протезный завод, на крыши здания к новобыхским прядилькам установили большой промышленный транспарант, ярко синевеющие десятками электролампажек; на транспаранте — две фигуры — Сталин и Жоб, оба в шинелях, застегнутых до верха, на правой руке жгута рукавица, из которой торчит множество тонких длинных ножей; художник тоном цвета сделал так, что именно рукавица привлекала наибольшее внимание; под фигурами короткий текст с отграниченными словами Жоб и ежевые рукавицы; на фоне темного мрачного осеннего неба и редких слабых фонарей, яркое свечение транспаранта произвело гнетущее спекление. Я невольно представил себе подобное рукопожатие, стало страшно.

На соседнем дворе жила тоже еврейская семья; Немировские в 1931 году бежали с Украины от разразившегося голода; именно бежали, продать что-либо было невозможно,

они все остались. Жили они предельно бедно: пятеро детей, работал только отец семейства; старший сын Яня после окончания Московского строительного института им. В.В. Куйбышева стал работать, семья ожила. Второй сын Леваш был немного старше меня, он был будущий, серьезный мальчик, мы подружились на всю жизнь (недавно Леваш умер в Нетах-Тикве). Левин отец - Моисей Борисович работал бухгалтером и вечерами дома подрабатывал переплетными работами; человек он был религиозный, поэтому он никогда не брался, а состригал брови с лица короткими ножницами. В период ограничений религии в СССР он боялся, что будут утрачены научно-альянс Традиции; в кругу знакомых евреев, когда рождался мальчик, он уговаривал молодых родителей содлости обряда «Брит-Мила»; будучи потомственным жителем еврейского местечка, Моисей Борисович знал жизнь народа и литературно-увлеченно об этом рассказывал; Леваш многое запомнил, здесь, в Израиле, он опубликовал «Это еженедельник», «Еврейский квартон».

Янк, параллельно с работой, готовил
кандидатскую диссертацию в об-
ласти технических наук и защи-
тил ее. В те годы это было довольно
редким явлением, особенно в еврей-
ской среде: старшее поколение толь-
ко не так давно пересекло грань осед-
лости.

В жизни Леви история страны сы-
грала иную роль. Он закончил мос-
ковский авиационно-технологи-
ческий институт в самом конце
1940-х годов, когда в СССР развора-
гивалась большая репрессивная
антисемитская кампания, поэтому
молодому специалисту, еврею, Леву
Моисеевичу Немировскому места
в авиационной промышленности
не дали; распределительная комис-
сия института направила его рабо-
тать в Якутию (? Ненецкий) на верфь
деревянного судостроения; он разо-
брался в отлигиях технологий и
начал успешно работать; вскоре
он стал уважаемым инженером.